

волны... и ровно, в ритм этим волнам, дышит грудь за розовым корсажем... А у нас-то теперь — вот уже более недели мы не видим ни луча солнца... днем, в полдень 6° и только ночью, несмотря на тучи, нет, не тучи, а туман, — сквозь него, что-то желто-бурое захватывает небо и точно говорит... «Это — я, это — Солнце, и Я живу еще... задавленное, обессиленное... но живу... Смешав день с ночью, но живу... Гвоздичек? вы жалуете гвоздичек, что не дышат? пионов, что не выйдут из почки? Глупые, слепые, ничтожные!... А я ведь живу, для вас спящих, живу, для вас мертвых живу, Я — Ночное Солнце, так странно желтое над вашим равнодушием». В самом деле, и что это делается! Но как miraclo красиво был вчера ночью этот ночной солнечно-желтый и высокий туман... Милая, у Вас есть в Вашей casa качалка? есть... в комнате — там возле столовой. Сядьте в качалку, не качаясь, но закрыв глаза. Я хочу посмотреть на Вас вечером, в комнате и когда Вы никого и ничего там не видите.

Ваш И. А.

№ 9.

Царское село
3/VII 1908 Ц(арское)
С(ело), д(ом) Эбермана.

Дорогая моя Екатерина Максимовна, как мне радостно получать Ваши солнечные открытки. Одно я прочел покуда Ваше закрытое письмо — с Босфора, но такое торопливое. Впрочем, при том усиленном притоке впечатлений, который теперь идет с Вами и за Вами, мне поспешность эта понятна и даже в ней есть для меня особенная тонкая красота. Я почти не отхожу от письменного стола, но рву больше, чем пишу, и бумага, во всяком случае, извел много. Только с одним еще отчетом служебным покуда справился, зато написал огромную статью для Еврипида — «Маски Елены» и один тоже большой этюд о Достоевском, который меня уже давно мучил²³. Давно уже Пав(ел) Павл(ович) допытывался у меня, что за причина того особого, болезненного предпочтения, которое я отдаю «Преступлению и Наказанию», и ревновал меня к этому роману — зачем я изменил «Бесам». Я даю теперь объяснение этой причины. Оригинальность моей статьи заключается в том, что к ней приложен чертеж, к которому иногда и следует прибегать, чтобы разобраться в ходе мыслей. Покуда я еще этого очерка не возненавидел, но уже запрятал его подальше. Чувствую себя неспособным сегодня писать, как я пишу в другие дни и как хотел бы Вам, дорогая, написать, так как, вероятно, переутомился. Весь жар мысли ушел на Достоевского... Но писать о нем теперь было бы прямо-таки неподсильным мне делом. Вы знаете, как тяжело мне повторяться.

Зачем Вы не здесь и я не могу читать Вам того, что написал, и в нашей духовной общности, в нашем гармоническом содумании, так часто меня живившем, искать проверки моих сомнений? У нас, наконец, знойные дни, хотя колорит уже июльский, с этой особой — дрожаще-пыльной и уже забывшей весну дымкой... Хороший, тихий июль — с вечерами, которым уже мечтаются, однако, осенние облака и звезды... Пионы развернулись пышно, но как-то не по-прошлогоднему, они точно разворочены... Кто-то будто рылся в их розовой тайне, только вчера бывшей бутонем, и грубо искал в ней наслаждения и разгадки этого наслаждения. Посылаю Вам книжку и дайте мне руку, дорогая.

Ваш И. Анненский.